

где, более мелкие, работы автора: последний выражается в чрезвычайно тонком умении подчеркнуть «метафизический» момент в отношениях между людьми.

Книги свидетельствуют кроме того о глубокой эрудиции автора, — эрудиции, которая растрогает всех любителей и знатоков Древнего Мира. Этот автор как бы разрывает, повидимому, твердо установившуюся последнее время традицию, включающуюся в том, что писатель должен быть прежде всего «серым, как штаны пожарного». Поблагодарим его за это.

Н. А. Реймерс.

НИКОЛАЙ СТАНЮКОВИЧ — «Свидетельство».

Опять, опять... Уже который раз Встает вопрос — зачем мне это? Подвалы памяти и зоркость глаз И лира ветхая поэта.

Таких словами начинает поэт одно стихотворение из своей новой, недавно вышедшей книги стихов «Свидетельство», и сам же, в других стихах, дает на это ответ.

Н. Станюкович — не новичек в литературе. Несколько лет тому назад вышла его первая книга стихов «Из пелла». И первая, и вторая книга связаны между собой органически — в них чувствуется один автор. Автор, прежде всего, хорошо знающий структуру и технику стиха и хорошо ею владеющий. У него есть свой голос и свой стиль — крепкий и иногда несколько торжественный, что доказывает только, что поэт не боится быть самим собой и идти, в этом смысле, даже в разрез с современной поэзией, не гонясь за пресловутой «простотой», которая является непреложным законом для всякого поэта, не нашедшего своего места в литературе. Нет, Станюкович не боится говорить о «языке богов», и

о «ветхой лире поэта» и в его стихах это не звучит архаизмом.

Есть у Станюковича и большая «зоркость глаз», он умеет заметить —

И бездумно боком проле: «свешую,
Солнцем ослепленную сову
— и этот незначительный штрих дает сразу яркую картину и делает стихотворение живым и правдивым.

«Подвалы памяти» тоже играют большую роль в стихах Станюковича. Не даром книга названа «Свидетельство» — свидетельством нашей эпохи.

Раскинутые хищною судьбой
Безумия стальные сети —
Туман кровавый, ненависть,
разбой,

Растрепанные в подвалах дети...

А такие стихи, как «Прошмыгнул в котелке и гетрах», или «Беженка» — разве не являются они самым лучшим свидетельством о наших днях здесь, в изгнании? И разве не по таким именно «свидетельствам» будущий писатель, будет работать над историей русской эмиграции?

Отмечу еще одну отличительную черту творчества Станюковича. Поэт часто размышляет о том,

Как оскорбительно недужен
Наш день — боренье черных снов,
о том, что

смертный изнемог,
В нем отречение готово.
Он горько восклицает —

Все суета сует.
И даже эти голоса «оттуда»
Всего лишь крови запоздалый
бред.

Таких цитат можно привести множество. И во всех этих строчках звучит подлинное отчаяние, — опять таки «свидетельство» человека, видящего и не могущего помочь.

И если нет надежды юной вперед,
То, стало быть, и нет движения.
А нет движения — надо умереть,
Дать пищу для жидкого тлания.
Но какая то «юная надежда» у по-

эта есть, есть какая-то цель, которая дает ему силы жить и писать, и которая оправдывает его существование, как человека, и как поэта. Об этом лучше всего говорит он сам в своем последнем стихотворении:

Нет! Не о славе мы хлопочем,
И что уж тут, да где уж там!...
Нельзя молчать — наш день
 короче,
Быстрее клонится к гробам.

Мы дел потомству не оставим, —
Позором кончился турнир, —
Но песнь «о подвигах, о славе»,
Вспоминать бросить в мир, —

Великолепная задача!
Имперским поадухом дыша,
Без причитания и плача,
Пуская расширяется душа.

Стихотворение проникнуто большой бодростью и верой. Этой бодростью проникнута и вся книга, не смотря на большую трагичность и тем, и слов, которыми об этой трагедии говорится. И закрываешь книгу с чувством глубокого удовлетворения, как от разговора со здоровым и сильным человеком, который знает о чем пишет и для чего живет.

И. Бек.

«РУССКИЕ ПОЭТЫ». Издательство «Русских поэтов» выпустило, в короткий срок, ряд приятно оформленных книжек и обещает в ближайшем будущем пополнение серии. Мы горячо приветствуем это большое дело, столь явно бездоходное и переживаемые нами тяжкие для литературных начинаний годы.

Чем объяснить падение спроса на русские книги — равнодушные, стоящие на грани насмешки, когда рядовому эмигранту предлагают ту или иную книгу и, в особенности, сборник стихов?

Препятствия к распространению книги много, некоторые из них непреодолимы, и это несмотря на то, что хорошая книга сейчас нужнее человеку, утратившему всякую устойчивость, чем когда бы то ни было.

Растущая бедность эмиграции, конечно, одно из этих неустраняемых препятствий, но, увы, далеко не главное. Малодоступность книги нельзя не признать, и тут никакие вздохи не помогут. Но вот, если мы спросим себя — так же ли легко отказывается соотечественник от других своих потребностей, как от книги, то на этот вопрос придется ответить отрицательно. В правдивный день посещения ресторанов, кинематографа, балов вошло у многих в привычку. Экономия в повседневном быту, люди крепко держатся за эти развлечения, которые обходятся несравненно дороже книги. И вот это — печально!

Равнодушие к русской книге, которая для многих представителей этого типа была когда-то духовной необходимостью, есть неоспоримое доказательство культурного падения.

Курьезная деталь: эти отщепенцы обычно громче всех кричат о своей приверженности ко всему национальному, мнят себя наследниками русского духовного достояния, не замечая того, что они уже глухи к голосу русской мысли. В семьях такого рода вы обычно найдете, на одинокой полке, запяленные томки Пушкина: казенная дань патриотизму. — а на стульях и на столе — зачитанные сначала детьми, а затем и родителями, французские журналы для юношества. Приключения Микеланджело уже вполне удовлетворяют «духовные» потребности этих людей.

Пусть эти замечания не покажутся желчным насмешком: жизнь эмигранта тяжела и от него нельзя «требовать многого», но как, все же, позорна такая быстрая сдача позиций!